

Попков Виктор
(нефотени.)

72.11.09

Сергей
Сафонов

опять двойка

хороший человек был

Газета
2004-12
нояб.-с. 13.

В написанном во вполне оруэлловском 1984 году романе Анатолия Кима «Белка» (по моему глубокому убеждению, лучшем «производственном романе» из жизни российских художников второй половины XX века, по крайней мере из тех, что довелось прочитать) убийцу главного героя звали Игнатием Артюшкиным. В жизни убийцу художника Виктора Попкова, ставшего одним из прототипов литературного персонажа, звали иначе — что, в общем, совершенно неважно. Сегодня исполняется тридцать лет с того дня, когда выстрел сидящего в «Волге» нетрезвого инкассатора унес жизнь живописца, который к сорока двум годам успел во многом определить лицо искусства своего поколения. В результате трагической нелепости — Попков просто искал такси и, не найдя, приблизился к инкассаторской машине — не стало художника, чье имя на рубеже 1970-х стояло в одном ряду с такими, по современному выражению, знаковыми именами, как Василий Шукшин или Владимир Высоцкий. «Попков торопился, — вспоминал племянник художника Юрий. — Он вышел из кафе и, увидев машину, подошел к водителю с просьбой подвезти. Шофер отказал, но Виктор пытался его уговорить. В это время пассажир, сидящий сзади, грубо потребовал отойти. Виктор ответил — началась перепалка. Инкассатор с деньгами уже сел в машину, и она тронулась с места. В этот момент прозвучал выстрел. Машина уехала, а Виктор, тяжело раненный, упал. Пуля попала в сонную артерию и прострелила легкие. Он истекал кровью».

Все реже бывает, что каждый новый шаг, совершаемый нашим современником-художником, становится событием не только творческой, но и общественной жизни. С работами Попкова было так. Их ждали, и каждая новая картина, будь то «Северная песня», «Воспоминания. Вдовы», «Хороший человек была бабка Анисья» или «Шинель отца», получала резонанс, вполне сопоставимый с задаваемыми общественный нерв публикациями «толстых» журналов или спектаклями Театра на Таганке. В поколении Виктора Попкова немало замечательных художников; атмосфера духовной и общественной несвободы, как ни странно, положительно сказывалась на их искусстве. Попков не был гоним, его работы охотно включались во многие выставки. Один из создателей «сурового стиля», он обладал редкой способностью быть интересным самым разным людям, обращаясь к ним на языке графики и живописи.

Первому секретарю МГК КПСС Гришину спешно доложили, что убитый на улице Горького Попков — на самом деле бандит-налетчик. Партийные и иные инстанции противились проведению панихиды в Московском доме художника на Кузнецком Мосту, но она все-таки состоялась благодаря усилиям возглавлявшего в ту пору Московский союз художников Игоря Попова и Николая Пономарева, руководившего СХ СССР. Улицу наводнили милицейские чины не ниже полковника, в дальних углах Дома художника «на всякий случай» прятались три десятка вооруженных милиционеров. Только появление узнаваемых художественных «генералов» вроде академика Евгения Кибрика (Попков у него учился) или Гелия Коржева смогло разрядить напряженную атмосферу. В итоге пришла даже правительственная телеграмма со словами соболезнования. Вместо досрочно снятой осенней выставки на сцене главного зала Дома художника стояла картина Попкова «Хороший человек была бабка Анисья». Рядом с гробом — последнее произведение «Осенние дожди. (Пушкин)», внизу на подставке лежали подготовительные рисунки к картине. Все прошло, что называется, без эксцессов. Виктора Попкова похоронили в Подмоскovie, около станции Тарасовская, что по Ярославской железной дороге.

Он родился в Москве, в 1930-е годы семья переехала в столицу из деревни. Отец нашел работу на кирпичном заводе в Мытищах, но в самом начале войны ушел на фронт и в тридцать пять лет погиб под Смоленском. Виктор, с детства испытывавший желание рисовать, учился сначала в Строгановке, затем — в Суриковском институте. «Он умел учиться, — вспоминал о нем Кибрик, — а это верный признак таланта. Я имею в виду не пассивное, послушное выполнение советов учителя, но активную жажду к знанию того, что составляет сложное и высокое ремесло художника». Довольно скоро отказавшись от чрезмерной публицистики молодого «сурового стиля», Попков сосредоточился на поисках собственной интонации применительно к теме повседневной народной жизни. Мотив человеческого одиночества также постоянно присутствовал в его произведениях. Таковы «Старость» (1969), «Работа окончена» и «Тишина» (обе — 1972), «Шинель отца» (1974).

«В последнее время часто ведутся споры — должна ли остаться станковая картина, нужна ли она вообще. Думаю, что картина останется. Нужно только, чтобы все было в плане большого искусства, — рассуждал сам Попков на страницах журнала «Искусство» в 1962-м. — Главное — не сводить картину к штампу. Ведь до штампа, пошлости можно довести любое стилистическое направление, когда у художника нет серьезного желания рассказать о жизни. Одинаковых «Матиссов» так же невыносимо видеть, как и одинаковых «Шишкиных». Погоня за модой всегда приводит лишь к пошлости».

Реализовать идею создания попковского музея пока так и не удалось. Художника нет уже три десятилетия, но 12 ноября для многих по-прежнему остается днем его памяти. Правда, шесть лет назад вечер воспоминаний о Викторе Попкове, назначенный в Третьяковке в очередную годовщину его гибели, пришлось отменить: московские художники прощались с другим живописцем-шестидесятником — Николаем Андроновым.

287